

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Полномочия прокурора: современное состояние, проблемы и пути решения»

Студент

К.С. Горина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р. юрид. наук, профессор, В.М. Корнуков

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Понятие и функции прокурора как участника уголовного судопроизводства	8
1.1 Понятие прокурора	8
1.2 Общая характеристика функций прокурора в уголовном судопроизводстве.....	11
Глава 2 Проблемы реализации прокурором своих полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса.....	20
2.1 Общая характеристика полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса.....	20
2.2 Проблемы нормативной регламентации и реализации отдельных полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, на стадии предварительного расследования.....	24
2.3 Проблемы реализации полномочий прокурора в контексте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.....	34
Глава 3 Проблемы реализации прокурором своих полномочий в судебном разбирательстве	40
3.1 Подготовка прокурора к участию в судебном заседании.....	40
3.2 Деятельность прокурора по поддержанию обвинения в судебном следствии	47
3.3 Участие прокурора в судебных прениях.....	55
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников.....	70

Введение

Актуальность исследования. Вопрос, касающийся эффективности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации и её соответствия требованиям законности, во многом зависит от успешной реализации своих функций в уголовном процессе прокурора, который продолжает оставаться одним из ключевых участников уголовного судопроизводства, притягивая внимание исследователей.

Правильное определение и адекватное понимание процессуальных полномочий прокурора в уголовном процессе имеет ключевое значение, закладывая основу рассмотрения направлений его деятельности и полномочий. Процессуальная фигура прокурора в уголовном судопроизводстве, как представляется, способна обеспечить реализацию от имени государства уголовного преследования лиц, совершивших преступление, надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и руководство этой деятельностью, а также соблюдение и защиту прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных правоотношений.

Обозначенная сфера имеет не только важное теоретическое, но и, безусловно, не менее важное практическое значение, в свете преобразований, реализуемых в нормах действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [65] (УПК РФ) в течение последних тринадцати лет, в результате которых процессуальные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве претерпело существенные изменения, которые продолжают вызывать самые активные дискуссии в науке и правоприменительной практике.

Правовой статус прокурора, как отмечено Т.К. Рябининой, «не перестает быть в центре внимания юристов как в связи с многообразием осуществляемых им функций в ходе производства по уголовному делу, так и

ввиду того, что прокурор в отличие от других участников процесса - постоянно действующая и влиятельная фигура. Он вступает в уголовный процесс на самых ранних его этапах - с момента получения сведений о совершенном или готовящемся преступлении и участвует на всех стадиях уголовного процесса, вплоть до пересмотра уже вступившего в законную силу приговора» [55, с. 18].

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации прокурором своих полномочий в уголовном процессе.

Предмет исследования – круг теоретических и практических вопросов, которые связаны с участием прокурора в уголовном процессе в контексте реализуемых им процессуальных функций.

Цель исследования – рассмотреть, охарактеризовать процессуальное положение прокурора и его полномочия в уголовном судопроизводстве.

Гипотеза исследования состоит в том, что совершенствование нормативного регулирования полномочий прокурора в уголовном процессе будет способствовать усилению гарантий законности, а также будет положительным образом влиять на правоприменительную практику.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие прокурора и дать общую характеристику его функций в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации;
- рассмотреть реализацию полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса;
- дать общую характеристику участия прокурора в уголовном преследовании на стадии предварительного расследования;
- обозначить проблемы реализации полномочий прокурора в контексте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве;

- проанализировать различные этапы реализации прокурором своих полномочий в судебном разбирательстве, в соответствии с нормами действующего законодательства.

Теоретическая основа исследования

Теоретическая основа исследования включает в себя учебную литературу, комментарии к действующему законодательству, монографии и научные статьи.

Методы исследования

В основе исследования – всеобщий диалектический метод познания, а также общие и частные методы научного исследования: формально-логический, системный, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, статистический метод познания и т.д.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом к исследованию полномочий прокурора и анализу процессуальных проблем их применения.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике, с учётом наличия обширной теоретической базы исследования, которую составляют монографические исследования и публикации учёных-процессуалистов в периодических изданиях, а также эмпирической базы, которая включает в себя материалы судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, материалы уголовного дела из архива Автозаводского районного суда г. Тольятти.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с полномочиями прокурора в уголовном судопроизводстве, в разное время, являлись предметом исследования многих учёных как в советский, так и в постсоветский период. Следует выделить работы таких авторов как:

А.Н. Артамонов, Н.Н. Борозенец, В.Ф. Крюков, В.А. Лазарева, М.С. Строгович, Д.А. Сычев, К.А. Таболина, И.В. Ткачев, Б.А. Тугутов, Т.Ю. Цапаева и многих других.

Нормативно-правовая основа исследования

Нормативно-правовая основа магистерского исследования включает в себя положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также иные Федеральные законы, а также материалы правоприменительной практики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сделан вывод о том, что является обоснованным выделение лишь двух основных процессуальных функций прокурора в уголовном судопроизводстве: уголовное преследование и надзор за соблюдением законности;
2. Высказано предложение о дополнении ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ указанием на то, что прокурор рассматривает наряду с ходатайством подозреваемого или обвиняемого и постановлением следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве еще и постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении такого соглашения, в целях расширения надзора прокурора за соблюдением законности в досудебном производстве;
3. В контексте обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от государственного обвинения, с учётом имеющейся правовой позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу, представляется необходимым обеспечить возможность суда услышать и учесть мнение потерпевшего в контексте общей оценки обоснованности отказа прокурора от обвинения, для чего в ч. 7 ст. 246 УПК РФ можно внести следующее изменение, сформулировав норму так: «Если в ходе судебного разбирательства

государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса».

Структура магистерской диссертации. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и функции прокурора как участника уголовного судопроизводства

1.1 Понятие прокурора

Основа процессуального положения прокурора, как участника уголовного судопроизводства, заложена законодателем в ст. 37 УПК РФ, которая, соответствуя общей логике раздела II УПК РФ, именуемого «участники уголовного судопроизводства», включена в главу 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения».

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Процессуальный статус прокурора, очевидно, имеет направленность на достижение назначения уголовного судопроизводства, обозначенного в ст. 6 УПК РФ, посредством применения на различных этапах производства по делу соответствующих процессуальных средств, имеющих «в арсенале» прокурора, сообразно тем непосредственным задачам, которые разрешаются на каждой из процессуальных стадий.

Концептуально участники уголовного судопроизводства, обозначенные в разделе II УПК РФ, представляют собой своего рода процессуальные роли, а не участников производства по уголовному делу, как таковых. То есть, применительно к каждой категории участников уголовного судопроизводства (включая прокурора), необходимо определить, кто именно вправе участвовать в производстве по уголовному делу в данном процессуальном качестве, приобретая соответствующие процессуальные правомочия.

К понятию «прокурор», обозначенному в уголовно-процессуальном законодательстве, в соответствии с ч. 31 ст. 5 УПК РФ, законодатель относит Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями Законом о прокуратуре.

То есть, понятие «прокурор», используемое законодателем в УПК РФ, является собирательным. В зависимости от ситуации, в данном процессуальном качестве может принимать участие в уголовно-процессуальной деятельности достаточно широкий круг должностных лиц органов прокуратуры Российской Федерации. Следует отметить, что процессуальные полномочия прокурора, как участника уголовного судопроизводства, отражены непосредственно в статьях УПК РФ. Что же касается применения положений упомянутого выше Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» [68], то они применяются в той мере, в которой не противоречат нормам УПК РФ.

Процессуальному положению анализируемого участника уголовного судопроизводства свойственен целый ряд особенностей, которые находят своё отражение в научных публикациях.

Как обоснованно указывает В.Ф. Крюков, с одной стороны, «прокурор – это единственное должностное лицо, которое реализует свои полномочия на всех этапах и стадиях уголовного процесса, с другой - данная деятельность реализует публичный процессуальный интерес, направленный на охрану как прав и интересов государства, так и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства» [25, с. 28].

Отдельные особенности, которыми отличается процессуальная роль прокурора, проявляются на различных этапах и стадиях процесса.

Правовые основы положения прокурора на стадии досудебного производства по уголовному делу составляют уголовно-процессуальное законодательство РФ и Закон о прокуратуре.

В УПК РФ определён указывається на два аспекта деятельности прокурора:

- обязанность в силу и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства;
- обязанность осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Подобная двойственность положения прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса была характерна и для уголовного процесса дореволюционной России и отмечалась юристами того времени. Так, Н.В. Муравьев писал: «...являясь обвинителем, прокурор как орган правительства обязан преследовать преступления в общественных интересах; но, будучи в то же время блюстителем закона, он ведет это преследование во имя закона, исключительно для раскрытия истины, и притом так, что до суда на нем лежит беспристрастное участие в предварительном исследовании, а на суде, где прокурор уже действует в качестве настоящего обвинителя, права его уравниваются правами подсудимого, хотя и здесь прокурору воспрещается всякая односторонность и всякое увлечение в пользу обвинения» [16, с. 105].

Большинство современных ученых процессуалистов разделяют вывод о том, что процессуальное положение (процессуальный статус) прокурора в производстве по уголовным делам на досудебных стадиях основано и определяется: «необходимостью соединения задач обвинительной и правоохранительной (правозащитной) деятельности при производстве предварительного расследования уголовных дел, а также обязанностью государства обеспечивать в уголовном судопроизводстве на его досудебных

стадиях беспристрастность, непредвзятость, состязательность и процессуальную ответственность всех участников досудебного производства» [25, с. 29].

Ключевые преобразования, связанные с изменением устоявшегося в правоприменительной практике процессуального положения прокурора связаны, в первую очередь, с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ [67], который если и не привнес существенных изменений в процессуальные полномочия прокурора, но однозначно существенно «урезал» полномочия прокурора, касающиеся уголовного преследования.

В частности, прокурор утратил процессуальное полномочие инициации производства по уголовному делу посредством его возбуждения, что ранее он традиционно имел возможность осуществлять. Также прокурор более не может принять уголовное дело к своему производству, расследовать уголовное дело, а также производить по возбуждённому уголовному делу какие-либо следственные действия. Таким образом, сохранив за прокурором в досудебном производстве одну из ключевых ролей, законодатель предусмотрел и ряд существенных ограничений (по сравнению с ранее обозначенными в законе) процессуальных возможностей, связанных с осуществлением уголовного преследования.

Далее представляется необходимым проанализировать содержание функций, реализуемых прокурором в современном российском уголовном судопроизводстве.

1.2 Общая характеристика функций прокурора в уголовном судопроизводстве

Вопрос о реализуемой тем, или иным участником уголовного судопроизводства соответствующей его процессуальному статусу процессуальной функции традиционно поднимается в науке, применительно,

практически к любому участнику уголовного судопроизводства и прокурор не является в этом смысле исключением.

Правильное определение процессуальной функции, как отмечается специалистами, «позволяет определить оптимальный правовой статус данного участника, правильно установить весь комплекс его обязанностей и прав, призванных обеспечить реализацию его функций, а, следовательно, и выполнение им своих задач. Функция определяет процессуальное положение лица, ею наделенного. Процессуальные функции являются связующим звеном между задачами и правовым положением участника процесса» [62, с. 28].

Вопрос о реализуемой функции конкретным участником уголовного процесса в контексте его участия в производстве по уголовному делу в соответствующем процессуальном качестве является важным, поскольку позволяет определить основную общую направленность деятельности соответствующего субъекта, понять его место и роль среди остальных участников уголовного судопроизводства.

Данный вопрос получает своё освещение не только в отечественных, но и в зарубежных публикациях [74]-[79].

Вопрос о том, какую процессуальную роль выполняет прокурор на судебных стадиях уголовного судопроизводства, традиционно является одним из наиболее актуальных в отечественной правовой доктрине, в том числе в советский период.

Так, ряд ученых-процессуалистов полагали, что прокурор является исключительно стороной в суде, не обладая какими-либо элементами надзорных полномочий. В частности, по мнению М. С. Строговича, прокурор является исключительно обвинителем, имеющим в суде против себя только сторону защиты [57].

Другая часть процессуалистов, в том числе В.И. Басков, Д.С. Карев, Ц.М. Каз, М.Ю. Рагинский и др., полагает, что прокурор в суде по уголовным

делам является исключительно представителем надзорного органа и только. В частности, В.И. Басков утверждал, что прокурор, поддерживая государственное обвинение в суде и давая заключение по делу, выполняет исключительно функции по осуществлению надзора за соблюдением законности [7, с. 30].

По мнению третьей группы представителей уголовно-процессуальной науки, (в частности, Н.Н. Полянского, Р.Д. Рахунова, В.С. Тадевосяна, М.Л. Шифмана), прокурор реализует две процессуальные функции: надзор за законностью и поддержание государственного обвинения.

Обращает на себя внимание то, что одни авторы рассматривают функции прокурора применительно к уголовному судопроизводству в широком смысле (включая досудебное производство), в то время как другие авторы, судя по всему, вкладывают в понятие уголовное судопроизводство узкий смысл, рассматривая таким образом функции прокурора лишь применительно к судебным стадиям уголовного процесса.

Думается, что о функциях прокурора уместно говорить применительно к уголовному процессу в целом, опираясь, при этом, на современное нормативно-правовое регулирование.

Анализ нормативной формулировки ч. 1 ст. 37 УПК РФ позволяет сделать вывод о наличии двух, хотя и взаимосвязанных, но, тем не менее, различных по своему содержанию процессуальных функций, реализуемых прокурором в уголовном судопроизводстве:

- уголовное преследование;
- надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

В первую очередь обратимся к анализу функции уголовного преследования в деятельности прокурора в уголовном процессе.

Относительно этой процессуальной функции обращает на себя внимание ч. 3 ст. 37 УПК РФ, в которой говоря о судебном производстве,

законодатель ведёт речь о том, что в суде прокурор «поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность» (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Данное уточнение, как пишут некоторые авторы, «может привести к мысли о том, что обвинительные полномочия принадлежат прокурору только в судебном разбирательстве» [10, с. 9].

Является ли поддержание государственного обвинения ещё одной процессуальной функцией прокурора? Для того, чтобы ответить на данный вопрос необходимо проанализировать и разграничить между собой ряд терминов, употребляемых в данном контексте, а именно: «уголовное преследование» и «поддержание государственного обвинения».

В утратившем свою юридическую силу Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, утверждённом 27 октября 1960 г. [66] категория «уголовное преследование» не нашло нормативного определения, однако, в действующем УПК РФ данный оборот употребляется в значении «процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Уголовное преследование – это процессуальная деятельность должностных лиц стороны обвинения, реализуемая посредством применения властных полномочий, что отличает категорию «уголовное преследование» от смежной категории «обвинение», под которым УПК РФ понимает «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ» (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

Безусловно, адекватное толкование терминов, используемых в правоприменительной практике должно строиться исключительно на нормативном толковании, если соответствующие термины закреплены законодателем. Очевидно, что обвинение, понимаемое как «утверждение о

совершении определенным лицом деяния» не может пониматься, как функция прокурора, как участника уголовного судопроизводства.

Некоторыми авторами отмечается, что «в уголовно-процессуальной науке обвинение обычно толкуют, как оформленный в соответствующем процессуальном документе тезис о совершении определённым лицом деяния, запрещённого уголовным законом» [35, с. 426].

«Обвинение», как категория, связана с понятием «уголовное преследование» как часть и целое. Уголовное преследование содержательно шире, чем обвинение, которое необходимо рассматривать как часть деятельности, связанной с осуществлением уголовного преследования.

Таким образом, поддержание государственного обвинения, которое упомянуто законодателем в ч. 3 ст. 37 УПК РФ является составной частью уголовного преследования и выделять поддержание государственного обвинения в качестве отдельной процессуальной функции оснований нет.

В.А. Лазарева отмечает, что «процессуальная деятельность, осуществляемая на этом этапе участниками уголовного судопроизводства, обязанными в соответствии со ст. ст. 73, 85 – 88 УПК РФ устанавливать все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, необходима именно как средство достижения конечного результата – обнаружения лица, совершившего преступление, в целях его последующего привлечения к уголовной ответственности. Расследование на этом этапе можно рассматривать как преследование неизвестного лица, совершившего преступление, в целях его обнаружения и изобличения» [32, с. 20], т.е. – в целях раскрытия преступления.

Это мнение представляется вполне убедительным.

Что же касается второй процессуальной функции прокурора, усматриваемой из содержания ч. 1 ст. 37 УПК РФ, в науке есть мнение о том, что функцию «надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия» правильнее именовать «надзор за

соблюдением законности», при этом, авторы наряду с данной функцией выделяют функцию «восстановления законности» [63, с. 87].

Некоторые авторы в числе функций прокурора выделяют правозащитную функцию. Так, Н.П. Кириллова считает, что «в судебном разбирательстве государственный обвинитель выполняет две основные функции: уголовного преследования и правозащитную. Правозащитная функция, по ее мнению, это деятельность государственного обвинителя и прокурора в пределах предоставленных ему полномочий по выявлению нарушений материальных и процессуальных прав участников судебного разбирательства, допущенных в результате уголовно-процессуальной деятельности как на досудебных стадиях уголовного процесса, так и в ходе производства в суде и их устранению» [20, с. 11].

С предложением использования более широкой формулировки «надзор за соблюдением законности» можно согласиться по ряду причин.

Данная функция выделялась советским законодателем: «Надзор за точным и единообразным исполнением законов Союза ССР, РСФСР и автономных республик в уголовном судопроизводстве осуществляется Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему Прокурором РСФСР и нижестоящими прокурорами» (ст. 25 УПК РСФСР).

Такая формулировка видится более широкой и содержательной, поскольку не сводится исключительно к надзору за процессуальной деятельностью должностных лиц, осуществляющих расследование, а ставит во главу угла категорию законности.

Подобная функция прокурора, в чуть более расширенном варианте, сравнительно с ч. 1 ст. 37 УПК РФ (за счёт включения в предмет надзора деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность), выделяется в главе 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», как «Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и

предварительное следствие». При этом, говоря о полномочиях прокурора относительно данного направления надзора, законодатель в ч. 1 ст. 30 данной главы делает отсылку к нормам УПК РФ.

По мнению Б.А. Тугутова и Д.И. Прушинского, функция надзора за соблюдением законности проявляется в формах: выражения позиции при решении вопроса о рассмотрении дела в особом порядке; всесторонней оценки доказательств по делу; выражения позиции при решении вопроса о прекращении судом уголовного дела; правовой оценки промежуточных и итоговых судебных актов [63, с. 88].

Таким образом, рассматриваемую процессуальную функцию прокурора, реализуемую как в досудебном, так и в судебном производстве, целесообразно именовать «надзор за соблюдением законности», с учётом направленности данной функции.

Что же касается предложения о выделении дополнительной функции «восстановления законности», то данное предложение вряд ли обосновано. Восстановление законности вполне естественно включать в содержание более широкой функции «надзор за соблюдением законности». Выделение же большого числа подфункций лишь усложняет понимание направленности полномочий прокурора. Выделение правозащитной функции также не имеет должных оснований, поскольку «правозащита» и «надзор за соблюдением законности» являются содержательно сходными.

Таким образом, представляется обоснованным выделить лишь две основные процессуальные функции прокурора в уголовном судопроизводстве:

- уголовное преследование;
- надзор за соблюдением законности.

Обе выделенные функции прокурора взаимосвязаны между собой и реализуются в тесной взаимосвязи.

В науке указывается: «целостность категории уголовный процесс обуславливает и целостность функций прокурора на всех стадиях производства по делу: логика требует, чтобы он оставался единым на всех ступенях процесса» [69, с. 21].

С.Н. Алексеев пишет о том, что «надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования не самоцель – надзорная деятельность создаёт основу, которая нужна для качественного поддержания государственного обвинения в судопроизводстве» [2, с. 101].

В.А. Лазарева уточняет: «Для того, чтобы иметь возможность продолжить уголовное преследование в суде, прокурор обязан обеспечить законность предварительного расследования и соблюдение прав всех его участников» [30, с. 393].

Таким образом, реализация надзорных полномочий позволяет прокурору наиболее эффективно реализовать функцию уголовного преследования, а также обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства.

Такой подход к соотношению анализируемых функций прокурора в уголовном процессе, если можно так выразиться, является официальной позицией прокуратуры РФ, найдя своё нормативное закрепление в одном из Приказов Генпрокуратуры: прокуратура призвана «обеспечить качественный и эффективный надзор за исполнением законов органами предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности» [49], при этом, в качестве приоритетного направления деятельности прокуратуры выделяется «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения» [49].

Как совершенно верно пишет В.А. Лазарева, «все, что ни делает прокурор на предварительном расследовании, и есть надзор за законностью. Одновременно все это является и уголовным преследованием, направлением

расследования в нужное русло, а именно в сторону изобличения виновных в совершении преступления» [32, с. 15].

Тем не менее, надзорная функция в настоящий момент, как отмечается в работах ряда специалистов, имеет превалирующее значение, в связи с существенным законодательным сужением полномочий прокурора, связанных с реализацией функции уголовного преследования.

В частности, Д.А. Сычев [58, с. 16] и Ш.М. Абдул-Кадыров [1, с. 8] в своих работах обоснованно указывают на превалирование надзорной составляющей в деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве на современном этапе развития законодательства.

Процессуальные функции прокурора находят свою реализацию через тот круг процессуальных полномочий, которыми наделён прокурор, как участник уголовного судопроизводства как в досудебном, так и в судебном производстве. Далее представляется целесообразным рассмотреть данный круг полномочий.

Глава 2 Проблемы реализации прокурором своих полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса

2.1 Общая характеристика полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса

Досудебное производство, без сомнений, представляет собой важную составляющую уголовно-процессуальной деятельности, закладывающую основу для последующего рассмотрения и разрешения уголовного дела судом.

К досудебному производству относятся стадии возбуждения уголовного дела и предварительное расследование, которое в соответствии со ст. 150 УПК РФ производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания. Дознание производится в общем порядке либо в сокращенной форме.

К особенностям реализации прокурором своих полномочий в досудебном производстве следует отнести различия в полномочиях прокурора при производстве надзора за органами, осуществляющими дознание, и следственными органами. «Различия проявляются в объеме полномочий прокурора. Так, полномочия, реализуемые прокурором в отношении органов дознания, носят властно-распорядительный характер и в целом заметно шире полномочий, которые может осуществлять прокурор в отношении органов следствия. Отдельными исследователями такое положение дел признается недопустимым» [59, с. 12].

Как отмечается некоторыми авторами, «в теории уголовного процесса полномочия прокурора по осуществлению надзора в стадии предварительного расследования часто разделяют на два вида, в зависимости от их функциональной направленности» [4, с. 73].

Несмотря на определённую долю условности, процессуальные полномочия прокурора в уголовно-процессуальной деятельности можно условно разделить на:

- полномочия, направленные на выявление нарушений законодательства органами дознания и предварительного следствия;
- полномочия, направленные на устранение нарушений закона, допущенных органами дознания и предварительного следствия.

В первую очередь, кратко охарактеризуем те процессуальные возможности прокурора, которые имеют отношение к первой из упомянутых категорий:

Право проверять уголовное дело.

Данное процессуальное полномочие следует из ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ, согласно которой уголовное дело предоставляется прокурору для ознакомления по его мотивированному письменному запросу. Необходимость ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела может возникнуть при наличии жалоб со стороны участников процесса на решения и действия органов предварительного расследования.

Право получать копии постановлений органов, осуществляющих предварительное расследование (и их должностных лиц), о принятии процессуальных решений.

Это полномочие прокурора следует из ряда процессуальных норм (ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 148, ч. 2 ст. 208, ч. 1 ст. 213 УПК РФ). Законодатель обязует как следователя, так и дознавателя, информировать прокурора о принятии целого ряда процессуально значимых решений: о приостановлении предварительного расследования, о прекращении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, о задержании подозреваемого, о

производстве следственных действий без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства.

Генеральный прокурор в соответствующем приказе предписывает прокурорам «применять комплексный подход к оценке полноты расследования при оценке законности постановлений о приостановлении предварительного расследования» [49], подчеркивая тем самым важность реализации указанного полномочия.

Право рассматривать жалобы участников процесса.

Данному вопросу законодатель посвятил ст. 124 УПК РФ. При этом, отдельные особенности реализации указанного правомочия включены в один из подзаконных актов – Приказ Генпрокуратуры РФ: «При рассмотрении жалобы прокурору предписывается провести полную и всестороннюю проверку изложенных в ней доводов; занимать активную позицию в случае нарушения прав участников процесса» [50] и т.д.

Часто к разряду полномочий анализируемого участника уголовного судопроизводства, связанным с выявлением процессуальных нарушений, относят право прокурора участвовать в судебных заседаниях, проводимых в рамках осуществления судебного контроля в досудебном производстве.

В соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен участвовать в судебных заседаниях об избрании меры пресечения, о продлении срока содержания под стражей, отмене или изменении меры пресечения, о рассмотрении ходатайств о производстве процессуальных действий, которые допускаются только на основании судебных решений.

Генеральный прокурор отмечает обязательное участие в таком заседании и предписывает составление заключения об обоснованности заявляемого органом расследования ходатайства. При этом отмечается, что в отдельных случаях прокурор может не поддерживать ходатайство следователя, при том что именно прокурор обосновывает перед судом необходимость удовлетворения ходатайства.

Некоторые авторы считают это «проблемой, возникающей по причине отсутствия обязанности следователя согласовывать содержание таких ходатайств» [13, с. 7].

Что же касается второй категории процессуальных полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве, то содержательно они направлены на устранение нарушений закона, допущенных органами дознания и предварительного следствия. В этой группе процессуальных полномочий дифференциация в зависимости от формы предварительного расследования (дознание, либо предварительное следствие) видна невооружённым взглядом. Вполне очевидно, что перечень полномочий в отношении дознавателя у прокурора несоизмеримо больше.

К таким можно отнести: право прокурора давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, право отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания; право разрешать отводы, заявленные дознавателю, и самоотводы, право отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им было допущено нарушение требований УПК; право изымать любое уголовное дело у дознавателя и передавать его следователю; право утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу, право давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения, либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения.

В данном случае можно отметить, что наряду с надзорными полномочиями прокурор в отношении дознавателя обладает рядом полномочий, направленных на осуществление уголовного преследования, в частности возможность давать указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий. В отношении следователя прокурор такими правомочиями не обладает.

При этом общими и для следствия, и для дознания являются: право требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия, право отмены незаконного и необоснованного постановления о возбуждении уголовного дела; право отмены незаконного и (или) необоснованного постановления о приостановлении предварительного следствия, прекращении уголовного дела или уголовного преследования, право освобождения незаконно задержанного или лишенного свободы лица, содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом, право вернуть следователю уголовное дело с письменными указаниями.

2.2 Проблемы нормативной регламентации и реализации отдельных полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, на стадии предварительного расследования

В общем и целом, имеющие отношение к досудебному производству по уголовному делу полномочия прокурора, включены законодателем в ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Как уж было отмечено ранее, в ходе реформирования норм УПК РФ, регламентирующих процессуальное положение прокурора, произошло существенное сокращение процессуального инструментария анализируемого участника уголовного судопроизводства, направленного на оперативное устранение процессуальных нарушений.

На этапе предварительного расследования полномочия прокурора отличаются в зависимости от того, в какой форме расследование производится. При осуществлении дознания, как это следует из норм УПК РФ, прокурор имеет гораздо более широкий круг властных полномочий.

Одним из основных полномочий прокурора, предоставленных ему п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, - осуществление проверок исполнения требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Следует отметить, что «действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит перечень конкретных проверочных действий, которые вправе использовать прокурор, и которые конкретизировали бы порядок и сроки проведения такой проверки» [9, с. 221].

В то же время, как пишет И.В. Ткачев, «закон обязывает следователя направлять прокурору копии процессуальных документов, которыми оформлено решение, принятое по результатам проверки поступившего сообщения о преступлении, - постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ) и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 148 УПК РФ)» [60, с. 24].

УПК РФ предусматривает формы прокурорского реагирования на нарушения закона, которые могут быть допущены следователем:

- в случае признания решения о возбуждении уголовного дела незаконным и (или) необоснованным своим постановлением отменять постановление о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ);
- признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа (ч. 6 ст. 148 УПК РФ).

Прокурор, получив сообщение о совершенном следователем Следственного комитета преступления, должен руководствоваться п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, предусматривающей вынесение мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного закона [56, с. 16].

Полномочие прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 и ч. 6 ст. 37 УПК РФ), названо в УПК РФ, но детально данный вопрос совершенно не проработан – отсутствует указание как на форму такого требования, так и сроки принятия решения.

Прокурор лишен правомочий давать письменные указания следователю, касающиеся хода и направления предварительного следствия, однако такая группа правомочий, как это указано в п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ имеется в отношении дознавателя.

По мнению Д.А. Гришина, в указанных полномочиях прокурора нет нужды [14, с. 34]. С данным утверждением трудно согласиться.

Согласно п. п. 11 и 12 ч. 2 ст. 37 прокурору предоставлено правомочие изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи. Ему также предоставлено правомочие изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи.

На основании п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу.

Признав постановление дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и возобновляет производство по уголовному делу (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Прокурор, как и раньше:

- утверждает обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- возвращает уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

«В стадии предварительного расследования, - совершенно справедливо пишет по этому поводу В.С. Зеленецкий, - формируется и развивается обвинение следственных органов. Но это обвинение не государственное, поскольку последнее в строгом соответствии с законом осуществляется только прокурором» [18, с. 12].

Представляется, что вопрос о возможности выдвижения против лица гособвинения решается прокурором на основе материалов уголовного дела? «положительное решение данного вопроса находит воплощение в утверждении прокурором обвинительного документа» [6, с. 126].

В этой связи выразить согласие с В.С. Зеленецким (с учетом особенностей анализируемого им действовавшего в то время уголовно-процессуального законодательства), что «в стадии предварительного расследования названная функция реализуется сначала в деятельности следователя по изобличению лица, совершившего преступление, затем

приобретает форму следственного обвинения, а после утверждения прокурором обвинительного заключения – форму обвинения государственного» [19, с. 26].

Что же касается «иных» полномочий прокурора в досудебном производстве, то они представляют собой конкретизацию предписаний, указанных в ст. 37 УПК РФ.

К ним относятся, в частности:

- освобождение всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного УПК РФ (ст. 10);
- разъяснение подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности и обеспечение возможности осуществления этих прав (ст. ст. 11, 16 УПК РФ) и т.д.

Далее, рассмотрим выделяемые в науке проблемы, связанные с реализацией полномочий прокурора.

В науке уголовного процесса сложившаяся законодательная модель процессуального статуса анализируемого нами участника уголовного судопроизводства на этапе досудебного производства воспринимается критически. При этом наибольший резонанс вызывают вопросы, связанные с нормативным регулированием надзора, осуществляемого прокурором в отношении предварительного следствия.

Многими авторами критикуется перераспределение контрольно-управленческих полномочий, в результате чего те полномочия, что находились в распоряжении прокурора, перешли к новому участнику уголовного судопроизводства – руководителю следственного органа. Кроме того, объективным фактом состоявшегося реформирования полномочий

прокурора стал дефицит полномочий данного участника уголовного судопроизводства при надзоре за предварительным следствием.

В современной науке уголовно-процессуального права активно дискутируется вопрос о восстановлении утраченных полномочий прокурора, связанных с осуществлением уголовного преследования, включая правомочие инициировать возбуждение уголовного преследования.

В науке уголовно-процессуального права высказывается мнение, что «лишение прокурора прав возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела создаёт риск того, что прокурорский надзор за расследованием, ранее эффективный, в новых процессуальных условиях может существенно ослабнуть» [21, с. 228].

В текущих правовых реалиях прокурор, руководствуясь п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, может инициировать начало уголовного преследования путем вынесения мотивированного постановления о направлении материалов, содержащих признаки преступления, в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. Данное постановление согласно п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ является одним из поводов для возбуждения уголовного дела.

Однако подобный механизм видится рядом авторов не эффективным, так как обозначенное постановление, исходящее от прокурора, не создаёт для следователя процессуальной обязанности инициировать начало уголовного преследования постановлением о возбуждении уголовного дела. Более того, следователь может отказать в возбуждении уголовного дела, на что имеет законное право.

Прокурор, в свою очередь, на основании ч. 6 ст. 148 УПК РФ, признав отказ следователя в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое направляет руководителю следственного органа.

В этой ситуации действующий УПК РФ не включает в себя каких-либо нормативных препятствий вынесению со стороны следователя ещё одного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В результате мы потенциально имеем ситуацию, при которой следователь и прокурор может довольно долго «обмениваться» своими постановлениями, находясь в своего рода противостоянии.

Отмечается, что «в отдельных случаях такой механизм может содержать в себе до 5-6 процессуальных циклов, каждый из которых по времени может занимать до двух и более недель. При этом могут быть утрачены важные следы преступления, а в итоге нарушены права лиц, потерпевших от преступления» [53, с. 56].

Безусловно, мы не говорим о том, что такого рода антагонизм существует априори и может иметь место повсеместно. Как резонно указывают Горюнов В.Е. и Алимпьев М.А. «сложно предположить, чем могут быть мотивированы действия следователя и руководителя следственного органа, чтобы осуществлять такого рода саботаж» [11, с. 16].

Однако, сам факт отсутствия у прокурора, логично вытекающего из его процессуального положения, правомочия на самостоятельную инициацию уголовного преследования многими специалистами в качестве существенного недостатка обновлённых норм, регламентирующих процессуальное положение прокурора.

Некоторые учёные, анализируя данную проблему, приводят в качестве аргумента восстановления процессуального правомочия самостоятельно возбуждать уголовные дела положения одного международно-правового документа – Рекомендации №R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» [54], в соответствии с которой во всех системах уголовного правосудия прокуроры решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования.

Довод по своей сути понятен, тем не менее, существующее в данный момент правовое регулирование не противоречит в широком плане данной формулировке Рекомендации резолюции Комитета министров Совета Европы, ведь закреплённый в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ повод для возбуждения уголовного дела в виде постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, в широком смысле, правомерно рассматривать в качестве, хотя и опосредованного, но участия в решении вопросов о возбуждении уголовного преследования.

В качестве ещё одной проблемы, рассматриваемой специалистами в данном аспекте, выступает проблема нехватки процессуальных возможностей для эффективного реагирования на процессуальные нарушения следователя в ходе производства предварительного расследования.

Анализ норм УПК РФ позволят к такого рода правомочиям относить право прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования.

Тем не менее, такое полномочие авторы не находят достаточно действенным. Его процессуальная неэффективность связывается исследователями, с одной стороны, с «отсутствием у следователя обязанности отчитываться перед прокурором о выполнении положений такого требования» [11, с. 18], а с другой стороны – с «возможностью следственного органа высказывать возражения относительно вынесенных прокурором требований» [11, с. 18].

Данное процессуальное правомочие сопряжено фактически с наличием не простой и многоэтапной, а в сущности, нецелесообразной, процедуры урегулирования разногласий между следственным органом и прокуратурой, так как последствием применения такой процедуры на практике является

пустая трата времени и усилий соответствующих должностных лиц правоохранительной системы.

В этой связи, некоторые учёные отстаивают точку зрения об «исключении из норм УПК РФ права следователя на обжалование требования прокурора об устранении нарушений» [36, с. 216].

Как следует из приведённых выше положений, существующий вариант регламентации полномочий прокурора в досудебном производстве, не является идеальным и одобряемым всеми процессуалистами, что обуславливает поиск оптимальных путей по совершенствованию существующих процессуальных механизмов.

Тем не менее, возникающие на страницах публикаций предложения, содержащие доводы в пользу видоизменения полномочий прокурора, следует оценивать с разных сторон. В частности, к изменению положений УПК РФ, касающихся полномочий прокурора, связанных с осуществлением уголовного преследования, а также статуса данного участника уголовного судопроизводства на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, нужно подходить с большей долей осторожности.

Во-первых, необходимо рассмотреть предложение по наделению прокурора правом самостоятельно возбуждать уголовные дела. Как уже отмечалось исследователями, текущий механизм признается многими специалистами неэффективным.

Во-вторых, не совсем бесспорным, но нуждающимся в анализе и осмыслении, представляется подход по совершенствованию законодательства, в рамках которого предлагается улучшить качество прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства путем наделения прокурора рядом полномочий, связанных с руководством предварительным следствием.

Как представляется, подобный подход мог бы дать возможность прокурору более динамично и эффективно реагировать на выявляемые процессуальные нарушения со стороны следователя, тем не менее, это вряд ли поможет уменьшить число таких процессуальных нарушений, поскольку их причина кроется, по мнению ряда учёных, в «недостаточном уровне подготовки следователей и дознавателей, а также ослаблении профессиональных навыков следственных работников» [61, с. 10].

Если принять данное замечание за основу, то ключевым фактором, обуславливающим наличие процессуальных нарушений, будет являться не достаточный уровень профессиональных знаний и умений, а не злонамеренное невыполнение требований УПК РФ. Это значит, что расширение процессуальных рычагов воздействия на следователя со стороны прокурора ситуацию не изменит, так как такой путь не связан с обозначенной причиной.

Если же говорить об устранении уже допущенного нарушения, то существующий на данный момент порядок устранения нарушений законодательства, допущенных следователем, в порядке вынесения прокурором требования является вполне работающим. Сомнение вызывает существующий механизм обжалования следователем требования прокурора. В данном аспекте представляется возможным внесение изменения, в соответствии с которым обжалование следователем требования прокурора не останавливало бы его исполнения.

Таким образом, научное исследование нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы процессуального положения анализируемого нами участника уголовного судопроизводства – прокурора, в досудебном производстве, позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере.

Вышеизложенное также позволяет сделать вывод о том, что полномочия прокурора, как участника уголовного судопроизводства,

направленные на реализацию функции уголовного преследования в досудебном производстве целесообразно расширить.

2.3 Проблемы реализации полномочий прокурора в контексте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве

Согласно ч. 1 статьи 317.5 УПК РФ, прокурор в порядке и сроки, которые установлены ст. 221 УПК РФ, рассматривает поступившее от следователя уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также материалы, подтверждающие соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных данным соглашением, и при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в случае утверждения обвинительного заключения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу.

Но всегда ли такое представление бывает обоснованным?

Как отмечается специалистами, соответствующие процедуры в правоприменительной практике сопряжены с рядом нарушений, причины которых, в том числе, связаны с недостатками нормативно-правового регулирования.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 г. №60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [44] при рассмотрении вопроса о возможности принятия судебного решения по ходатайству обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке судам надлежит устанавливать, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия. Согласно требованиям норм главы 40 УПК РФ такими условиями следует считать в

том числе обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами; понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме.

Отдельные аспекты, связанные с применением института досудебного соглашения о сотрудничестве нашли своё рассмотрение также в другом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. №16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [45].

Обращает на себя внимание тот факт, что обвиняемый (подозреваемый), будучи осведомлённым о тех преимуществах, которые может создать для него досудебное соглашение о сотрудничестве, не может при всём желании заключить его с прокурором напрямую. Соответствующее ходатайство должно быть направлено им лишь через следователя, в производстве которого находится уголовное дело, а уже следователь, оценив наличие оснований для заключения такого соглашения, вправе вынести постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое, помимо всего прочего, должно быть согласовано с руководителем следственного органа.

Казалось бы, получившаяся цепочка логична, с позиции предварительной оценки следователем состоятельности ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку именно он должным образом осведомлён о всех нюансах расследуемого преступления. Тем не менее, существующая процедура имеет изъян: так как следователь не обязан вынести постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, он может по собственному усмотрению отказать в этом обвиняемому (подозреваемому) и такой отказ будет иметь характер одномоментного акта, не нуждающегося ни в чём

согласовании (ни руководителя следственного органа, ни прокурора), так как согласование отказа не предусмотрено действующим уголовно-процессуальным законом.

Получается, роль прокурора в данном аспекте необоснованно нивелируется. Будучи наделённым правом заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, прокурор, по сути дела, полностью устраняется от решения вопроса, связанного с обоснованностью отклонения следователем ходатайства лица, на которое направлено уголовное преследование, о заключении такого соглашения.

«Если прокурор наделен правом заключить соглашение, то именно ему должно принадлежать и право удовлетворять такое ходатайство, а не следователю. При этом прокурору не передается никаких материалов, связанных с поданным ходатайством» [5, с. 33] – обоснованно отмечается по данному вопросу в науке.

Данную ситуацию можно скорректировать, следуя пути создания дополнительных гарантий реализации прав обвиняемого (подозреваемого), а также расширения надзора прокурора за соблюдением законности в досудебном производстве, для чего ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ можно дополнить указанием на то, что прокурор рассматривает наряду с ходатайством подозреваемого или обвиняемого и постановлением следователя еще и постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения.

Такое дополнение существующего процессуального порядка способно более полно «включить» прокурора в процесс принятия решения о инициации заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Кстати говоря, вызывает недоумение отсутствие в действующем УПК РФ конкретного перечня оснований отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, что вряд ли способно положительным образом сказаться на единообразии правоприменительной практики.

Вопросы, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, находят своё отражение не только непосредственно в тексте УПК РФ, но и в ряде иных нормативно-правовых документов подзаконного характера.

Одним из таких документов является Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 г. №107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» [51].

В частности, следует обратить внимание на обозначенную в данном акте Генпрокуратуры РФ алгоритма действий прокурора в ситуации получения им сведений о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, что может выразиться в сообщении лицом, на которое направлено уголовное преследование заведомо ложных сведений, отказ от участия данного лица в следственных, и (или) оперативно-розыскных мероприятиях и т.д.

При получении такого рода информации от следователя, прокурор инициирует прекращение досудебного соглашения, посредством вынесения соответствующего постановления, копия которого направляется стороне защиты.

Следователь в данном случае, будучи должностным лицом, в производстве которого находится конкретное уголовное дело, в рамках которого заключено досудебное соглашение, обладает непосредственными контрольными полномочиями, реализуя которые он предварительно оценивает качество реализации положений данного соглашения со стороны обвиняемого. При выявлении нарушений, он докладывает об этом прокурору и уже после этого прокурор, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, реагирует на данные нарушения.

Таким образом, в рамках осуществления контроля за должной реализацией заключенного досудебного соглашения, имеет место

взаимодействие следователя и прокурора, обусловленное местом и ролью каждого из данных участников в контексте анализируемой правоприменительной процедуры. Тем не менее, как справедливо указывается в науке, такой контроль носит довольно абстрактный характер и не конкретизирован в нормах УПК РФ.

В связи с чем, как отмечается в работах исследователей [42], практика свидетельствует о наличии случаев недостаточного контроля за исполнением условий соглашения со стороны прокурора и следователя.

Для повышения эффективности данной работы, а также для достижения объективности и полноты осведомлённости прокурора об отсутствии нарушений, связанных с реализацией заключённого досудебного соглашения, прокурору целесообразно проводить плановые проверки хода расследования соответствующих уголовных дел. Как полагают отдельные исследователи, «количество проверок должно исходить из необходимости проведения такой проверки, но целесообразным является проведение не менее трех проверок в течение расследования» [42, с. 128].

Также значимым представляется роль прокурора на этапе передачи уголовного дела с заключённым досудебным соглашением в суд. Здесь прокурору необходимо удостовериться, что все условия обвиняемым соблюдены и нет препятствий для рассмотрения такого дела судом в особом порядке.

«При подготовке к судебному разбирательству государственному обвинителю надлежит тщательно изучить материалы дела на предмет исполнения условий соглашения, сопоставить итоговую картину расследования в виде обвинительного заключения с выводами, изложенными в заключениях прокурора о результатах проверок на предмет исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве» [24, с. 86] – указывается в публикациях.

Роль прокурора в осуществлении надзора за законностью процедур, связанных с заключением и реализацией досудебного соглашения о сотрудничестве может минимизировать вероятность заключения так называемых «мнимых» соглашений, при которых процессуальная выгода имеет место лишь для обвиняемого, а сам обвиняемый всячески уклоняется от исполнения принятых обязательств, не раскрывает полную картину преступления и т.д.

Таким образом, четкое и неукоснительное исполнение прокурором своих полномочий по надзору за расследованием уголовного дела и поддержанию государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела в суде в условиях досудебного соглашения о сотрудничестве имеют ключевое значение.

Соблюдение при заключении досудебного соглашения четко регламентированного законом этапа расследования преступления, когда исчерпан весь имеющийся арсенал средств и методов его раскрытия, а также расширение и уточнение полномочий прокурора по контролю за ходом расследования преступления в части соблюдения и выполнения обвиняемым условий соглашения, будет способствовать более эффективному применению указанного правового института. Предлагаемые способы совершенствования использования досудебного соглашения о сотрудничестве позволят избежать волокиты со стороны должностных лиц при реализации соглашения, своевременно выявлять злоупотребление своим положением со стороны обвиняемого, заключившего соглашение.

Глава 3 Проблемы реализации прокурором своих полномочий в судебном разбирательстве

3.1 Подготовка прокурора к участию в судебном заседании

Стадия уголовного судопроизводства, именуемая в науке как подготовки дела к судебному разбирательству, представляет собой начальный этап судебного производства, начинающегося сразу за досудебным производством по уголовному делу.

С учётом положений действующего УПК РФ, ключевым участником данного этапа производства по делу является справедливый и независимый суд. Тем не менее, участие на данной стадии прокурора играет важную роль в правильном разрешении тех вопросов, что стоят перед правоприменением в контексте инициации рассмотрения дела судом по первой инстанции.

В частности, значимым представляется вопрос участия прокурора в разрешении вопроса о допустимости доказательств.

Обращает на себя внимание положение ч. 4 ст. 235 УПК РФ, в соответствии с которым «при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре».

Именно с прокурором, как должностным лицом стороны обвинения, законодатель связывает необходимость опровержения доводов стороны защиты, что говорит о той значимой и активной роли, что отводится рассматриваемому нами участнику уголовного процесса.

Какие же аспекты прокурору принимать во внимание в данном контексте?

Бесспорно, что лишь благодаря доказательствам, нормативному определению которых уделено внимание в ст. 74 УПК РФ становится возможным доказывание виновности конкретного лица в совершении преступления и привлечения его к уголовной ответственности.

Сведения, имеющие отношение к расследуемому и разрешаемому уголовному делу, становятся доказательствами в процессуальном смысле лишь тогда, когда отвечают требованиям допустимости. Как отмечается рядом специалистов, «сведения не способны стать доказательствами, если их получение (получение данных сведений) сопряжено с процессуальными нарушениями» [22, с. 264].

Данное требование, предъявляемое к доказательствам в нормах УПК РФ сформулировано, что называется, «от обратного» – в ст. 75 УПК РФ, законодатель говорит не о допустимых доказательствах, а наоборот – недопустимых, указывая на важное последствие признания доказательства недопустимым: «Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения» (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

При этом, определяя недопустимое доказательство, законодатель не конкретизирует, какие именно нарушения требований УПК РФ влекут утрату доказательствами анализируемого критерия.

Верховный Суд Российской Федерации в отдельных Постановлениях №8 от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [47] и №1 от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» [46] указал на те процессуальные нарушения, которые могут повлечь признание доказательства недопустимым.

Как указывает А.А. Гридчин, «допустимость – это свойство доказательства, которое находит своё выражение в предписании соблюдения указаний УПК РФ относительно субъектов, источников, способов и процедуры собирания и процессуального закрепления фактических данных,

что создаёт предпосылки использования полученной информации для установления истины по делу» [12, с. 139].

С учётом отмеченного, представляется целесообразным изменить ч. 1 ст. 75 УПК РФ следующим образом: «Доказательства должны признаваться недопустимыми, если они получены с нарушением требований, установленных настоящим Кодексом, то есть получены не надлежащим субъектом, с нарушением правил собирания, проверки и приобщения в качестве таковых, из неустановленного законом источника или в сроки, не предусмотренные законом. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться в процессе доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 настоящего Кодекса».

Как представляется, в контексте анализа участия прокурора в стадии предварительного слушания, реализация такого предложения в ч. 1 ст. 75 УПК РФ может помочь создать более чёткие ориентиры для формирования у прокурора верного представления по вопросу допустимости доказательств, с учётом возлагаемого на прокурора бремени опровержения доводов защиты по данному вопросу.

Как представляется, на анализируемом этапе прокурор, равно как и в досудебном производстве, продолжает реализовывать функцию надзора за соблюдением законности, а также функцию уголовного преследования, которые пронизывают собой все этапы производства по делу при участии прокурора.

Нельзя не отметить значение качественной подготовки прокурора к участию в судебном заседании, без чего вряд ли может быть возможным качественное осуществление государственного обвинения. Не случайно в Приказе от 25.12.2012 г. №465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [48] Генеральным прокурором РФ указано, что «руководителям прокуратур необходимо назначать государственных

обвинителей заблаговременно, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству (п. 4)».

Основа профессионально-осведомлённого и эффективного участия прокурора в судебном заседании – это должное ознакомление со всеми материалами уголовного дела. Знание соответствующих нюансов дела позволяет прокурору делать соответствующие умозаключения и правильно реагировать на необоснованные доводы стороны защиты.

Со стороны обвинения с материалами уголовного дела, как правило, знаком лишь тот следователь, или дознаватель, который расследовал данное дело и составлял итоговый обвинительный документ. Тем не менее, не он поддерживает обвинение в суде, а прокурор, осведомлённость которого по делу, в силу служебной занятости и иных факторов, не всегда сопоставима с уровнем осведомлённости и подготовленности адвоката-защитника.

Как указывают некоторые авторы «нередко прокурор – государственный обвинитель знаком с материалами уголовного дела лишь исходя из содержания обвинительного заключения. Большинство нюансов при таком подходе остаются вне поля внимания» [24, с. 85].

Ряд авторов задаётся резонным вопросом: что важнее - кропотливое исследование доказательств в судебном следствии или блестящая, аргументированная речь обвинителя? Ответ один: одно без другого не имеет смысла, они должны быть равноценными для вынесения судом законного приговора.

При нынешних установлениях УПК РФ государственный обвинитель без знания дела не сможет участвовать в процессе и должным образом реализовать своё назначение при рассмотрении дела в суде.

«Новации закона требуют от всех сотрудников органов прокуратуры, участвующих в судебном разбирательстве, высочайшей организации работы, профессионализма, личной ответственности. Активность и процессуальное мастерство государственного обвинителя в представлении и исследовании

доказательств становится решающим фактором в обеспечении неотвратимости наказания за совершенное преступление» [40, с. 181] – указывается по данному вопросу в науке.

Обобщая представленные в ряде научных публикаций точки зрения, относительно последовательности (этапности) подготовки прокурора к рассмотрению дела в суде, представляется возможным выделить следующие:

- изучение материалов уголовного дела – результат предварительного расследования;
- изучение специальной литературы, законодательства, а также правоприменительной (в том числе судебной) практики по необходимым категориям дел;
- планирование всей деятельности по поддержанию обвинения;
- подбор соответствующих материалов к судебному выступлению.

Данные этапы весьма условны, тем не менее, они отражают содержательную необходимость подготовки прокурора к участию в судебном заседании с учётом требований, содержащихся в ряде принципов уголовного судопроизводства – принципа состязательности, а также принципа презумпции невиновности (в контексте бремени доказывания обвинения).

При работе с материалами конкретных уголовных дел, прокурор может дополнить подобный план дополнительными задачами.

Относительно ознакомления прокурора с материалами уголовного дела, можно сформулировать ряд рекомендаций, направленных на совершенствование такой работы.

При чтении материалов уголовного дела стоит фиксировать в своём восприятии не только сами обстоятельства дела, но и соответствие сопровождающих процессуальные действия документов процессуальной форме. Данный момент является одним из важнейших, учитывая требование допустимости, предъявляемое к доказательствам. Допущенные процессуальные нарушения, вовремя не замеченные прокурором, могут

сыграть негативную роль в дальнейшем, «обеднив» тем самым доказательственную базу.

Анализируя материалы дела прокурору целесообразно делать заметки, формулировать вопросы, что в своей совокупности позволит подготовить краткий, но содержательный конспект по делу.

Не менее важной составляющей подготовки прокурора к роли государственного обвинителя: создание научной и правовой базы выступления в суде, в рамках чего прокурору целесообразно уделить внимание на соответствующие нормы УК РФ, лежащие в основе предъявляемого подсудимому обвинения. Может быть вполне оправданным уделить внимание смежным составам преступлений и их особенностям, относительно возможных вопросов, связанных с правильностью квалификации преступления. Прокурору следует быть готовым реагировать на доводы стороны защиты в вопросе переквалификации деяния, что не редко имеет место в судебном разбирательстве.

Также может быть весьма полезным обратиться к судебной практике на уровне Пленума Верховного Суда РФ, применительно к рассматриваемой категории дел, ознакомиться с материалами судебной практики судов общей юрисдикции. С учётом специфики конкретных составов преступлений, в рамках подготовки к судебному заседанию, прокурору может быть необходимо обратиться и к иным отраслям права (финансовому, налоговому и т.д.), в целях правильного понимания и толкования соответствующей терминологии.

По ряду категорий уголовных дел может быть важным обратиться к положениям научной литературы – монографическим исследованиям и статьям в периодических юридических изданиях.

Безусловно, работа связанная с анализом материалов уголовного дела не является простой, особенно, когда речь идёт о сложных, многотомных и

многоэпизодным делам, но избежать её никак нельзя, если поставлена цель эффективного участия в судебном разбирательстве.

Есть мнение, что планированием последующего участия в судебном разбирательстве дела по первой инстанции прокурору следует заниматься лишь по сложным уголовным делам, однако, такой подход чреват поверхностным отношением к, казалось бы, менее сложным делам, специфика которых может непосредственно в судебном заседании поставить перед прокурором вопросы, к которым он может оказаться не готов, в связи с тем, что самонадеянно решил не вникать в материала дела.

Изучение материалов уголовного дела – это начальная составляющая процесса подготовки к участию в процессе. Завершив изучение материалов дела, прокурору следует создать для себя соответствующий план дальнейших действий.

В литературе выделяют несколько видов планов обвинителей: «общий план участия обвинителя в суде; план участия в отдельном судебном действии; план поддержания обвинения по много-эпизодным делам или по делам на нескольких подсудимых; план-схема преступных связей; план-расчет гражданских исков в уголовном процессе; план порядка исследования доказательств» [26, с. 35].

На этой стадии работы с материалом можно начать подготовку обвинительной речи, планируя ее для произнесения на этапе прений сторон, с учетом результатов изучения дела: написание тезисов, обоснование квалификации, если нет сомнения в ее правильности и т.д.

Но, нельзя забывать о том, что прежде чем прокурор сможет выступить с обвинительным выступлением в прениях сторон, ему надлежит принять участие в ключевом этапе судебного разбирательства – в судебном следствии, где происходит всесторонняя проверка и оценка доказательств судом в обстановке независимости. Появление в судебном следствии новых доказательств, которых не было в предварительном расследовании,

например, в связи с вызовом новых свидетелей по инициативе стороны защиты, может не только повлиять на выработанную предварительно стратегию участия в доказывании, но и повлиять на мнение прокурора относительно обоснованности обвинения как такового. Рассмотрим данные вопросы более подробно и обстоятельно.

3.2 Деятельность прокурора по поддержанию обвинения в судебном следствии

Как справедливо отмечает В.А. Лазарева, «участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве является обязательным. Этому требует логика состязательного судопроизводства, в котором бремя доказывания обвинения лежит на обвинителе» [31, с. 25].

В свете сказанного, следует полностью поддержать взгляды учёных на последовательность и преемственность в реализации процессуальных функций прокурора.

Закономерно, что прокурор, обладая процессуальной самостоятельностью, свободен, в том числе, в определении собственной, позиции по поддерживаемому обвинению.

Принцип свободы оценки доказательств, закреплённый в ст. 17 УПК РФ, распространяется и на прокурора, равно как и на иных участников производства по уголовному делу, от чьих действий и решений зависит его исход. В соответствии с данным принципом, прокурор оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

И, как следует из ч. 2 ст. 17 УПК РФ, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, что означает отсутствие для прокурора заранее установленных императивов в оценке как конкретного доказательства, так и

их совокупности. Действующее законодательство также не поддерживает идею приоритета одних доказательств над другими – все допустимые доказательства находятся в равном положении и используются в процессе доказывания сообразно задачам доказывания.

Исключение составляют правила о преюдиции. В соответствии со статьей 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, должны признаваться прокурором, как и другими участниками процесса, без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда.

«В том же случае, если они вызывают сомнение у прокурора, следует заявить об этом суду, чтобы провести дополнительную проверку» [27, с. 51] – отмечается некоторыми исследователями.

Закономерным следствием процессуальной самостоятельности прокурора является его право отказаться от государственного обвинения.

В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель отказывается от обвинения, если в ходе судебного разбирательства он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение.

Как отмечается учёными, «прокурор может отказаться от обвинения не только в тех случаях, когда доказательства не подтверждают обвинение, но и когда их явно недостаточно для того, чтобы сделать вывод о совершении преступления подсудимым и его виновности» [28, с. 10].

Данный вопрос находит своё отражение в Приказе Генпрокуратуры РФ от 25.12.2012 г. №465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [45], в котором, с частичным текстуальным воспроизведением положения ст. 17 УПК РФ, говорится о том, что «государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств» (ст. 7 Приказа).

Данный документ содержит алгоритм разрешения ситуации, в которой государственный обвинитель считает, что вина подсудимого полностью или частично не доказана:

«Государственному обвинителю при существенном расхождении его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение. Указанному прокурору в случае принципиального несогласия с позицией обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения, своевременно решать вопрос о замене обвинителя либо самому поддерживать обвинение» (ст. 8 Приказа).

Несомненно важным видится замечание, включённое в анализируемый Приказ Генпрокуратуры РФ, в соответствии с которым предписывается: «Считать недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами» (ст. 8 Приказа).

Анализируемое полномочие прокурора является предметом широких дискуссий как в науке, так и в правоприменительной практике.

На нормативном уровне в ч. 7 ст. 246 УПК РФ законодателем приводится единственный правовой итог отказа прокурора от государственного обвинения: прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части.

Как верно отмечается в науке, «отказ прокурора от обвинения обязателен для суда, который должен вынести постановление о прекращении уголовного дела» [41].

При этом, отдельные авторы высказываются критически: «толкование ч. 7 ст. 246 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что точка зрения потерпевшего в случае отказа прокурора от обвинения не учитывается, что

противоречит п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, в котором обозначено правомочие потерпевшего поддерживать обвинение» [72, с. 831].

Не только прокурор, но и суд и присяжные оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

В этой связи, отдельные авторы высказываются ещё более категорично: «потерпевший оказывается в ситуации фактического лишения права на правосудие, а сам суд оказывается в ситуации, в которой это самое правосудие он не может вершить» [71, с. 99].

В правоприменительной практике также не обходится без сложностей. Приведём пример из материалов судебной практики по г. Тольятти: «в ходе рассмотрения 20 сентября 2017 года Автозаводским районным судом г. Тольятти Самарской области уголовного дела в отношении С. и К., обвинявшихся в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении работника полиции, государственный обвинитель, убедившись в невиновности подсудимых в совершении инкриминируемых им деяний, в полном объеме отказался от обвинения. Позиция прокурора была достаточно мотивирована, им были представлены соответствующие формулировки в порядке ч. 7 ст. 292 УПК РФ. Потерпевший был категорически не согласен с позицией обвинения, о чем крайне эмоционально заявил в своем выступлении в судебных прениях. Несмотря на то, что позиции потерпевшего и государственного обвинителя не совпадали, судом было принято решение о прекращении уголовного преследования в соответствии с ч. 1 ст. 239 УПК РФ» [37].

По данному вопросу, с учётом его дискуссионности, есть соответствующая правовая позиция Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ в своём Постановлении от 08 декабря 2003 г. № 18-П [43] дал разъяснение о том, что «полный или частичный отказ

государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде» (п. 3).

Обозначенные выше категоричные утверждения о незащищённости интересов потерпевшего в связи с наличием право прокурора отказаться от государственного обвинения, как минимум, несколько преувеличены и с ними вряд ли возможно полностью согласиться, поскольку законодатель не предусматривает права безосновательного отказа прокурора от государственного обвинения – такое решение прокурора должно быть обосновано и должным образом мотивировано, на что указывается и в уже упомянутом выше Приказе Генпрокуратуры РФ №465: «отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован и представлен суду в письменной форме» (ст. 7 Приказа).

Наличие требования письменной формы изложения соответствующего обоснования направлено, как представляется, в том числе, на защиту интересов потерпевшего от необоснованного, не соответствующего фактическим обстоятельствам конкретного дела, отказа прокурора от обвинения.

В науке есть противоположная позиция неприятия такого порядка, как ограничивающего волеизъявление прокурора, как должностного лица, которая также выглядит очень «однобокой».

В частности, не представляется возможным согласиться с мнением Ф.М. Ягофарова, высказывающего следующую мысль: «...Нам непонятно, почему государственный обвинитель, отказываясь от поддержания обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, обязан изложить суду мотивы своего отказа. Неужели для того, чтобы доказать суду обоснованность заявленного отказа? А если суд не согласится с доводами прокурора, он что, вправе обязать последнего к поддержанию государственного обвинения? Объяснение прокурором суду мотивов своего отказа не только нецелесообразно, но и, по нашему мнению, противоправно, поскольку в таком случае прокурор ставится в положение лица, «оправдывающегося» или «извиняющегося» перед судом за заявленный отказ от обвинения» [73, с. 19].

На данное требование нельзя смотреть столь узко – прокурор, будучи объективным участником процесса и будучи наделённым властными полномочиями, всего лишь приводит обоснование своего решения, что в полной мере соответствует гарантиям реализации прав и свобод потерпевшего, содействие защите интересов которого возведено в разряд одной из ключевых составляющих назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). При этом, отказываясь от необоснованного уголовного преследования конкретного лица, прокурор тем самым способствует реализации ч. 2 ст. 6 УПК РФ, которая говорит о том, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания».

Таким образом, можно констатировать наличие широкого спектра мнений относительно анализируемого института уголовно-процессуального права. При этом, особого внимания требует подход к решению проблемы

обеспечения интересов потерпевшего в связи с решением прокурора об отказе от обвинения.

В рассматриваемой ситуации не лишним было бы наличие соответствующих разъяснений на уровне Пленума ВС РФ. Данное разъяснение могло бы способствовать упорядочению правоприменения в данном аспекте, а также способствовать выработке единых подходов в оценке обоснованности и мотивированности отказа прокурора от поддержания обвинения.

В науке есть предложения внесения изменений в текст ч. 7 ст. 246 УПК РФ следующего содержания: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, при условии согласия потерпевшего, влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса.

При отсутствии согласия потерпевшего судебное рассмотрение дела продолжается, позиция прокурора учитывается при вынесении судом судебного решения» [17, с. 9].

Однако, такое изменение представляется сомнительным. Автор данного предложения, думается, исходит из двух посылов: вероятности необоснованного необъективного (и, как следствие, непрофессионального) поведения прокурора, отказывающегося от обвинения и профессионального, а также объективного подхода потерпевшего к решению данного вопроса. Не следует забывать о том, что прокурор, как должностное лицо, наделённое властными полномочиями, должно, априори, быть объективным и

беспристрастным во всех вопросах, связанных с реализацией своих властных полномочий. Потерпевший же наоборот – пристрастен, ибо преступлением именно ему причинён ущерб. Кроме того, потерпевший, по умолчанию, лицо, не обладающее профессиональными юридическими познаниями, и его несогласие с решением прокурора отказаться от поддержания обвинения, вероятнее всего, будет основано не на глубоком юридическом толковании ситуации, а на эмоциях и житейских представлениях о судопроизводстве по уголовным делам. Именно поэтому нельзя ставить суд в ситуацию игнорирования обоснованного отказа прокурора от обвинения и слепого следования воле потерпевшего, несогласие которого может быть сведено к противоречию ради противоречия.

Тем не менее, мнение потерпевшего суд, как минимум, должен услышать и учесть в контексте общей оценки обоснованности отказа прокурора от обвинения, что соотносится с приведённой выше правовой позицией Конституционного Суда РФ: «...вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты».

Для того, чтобы создать соответствующий акцент и подчеркнуть данное обстоятельство, в ч. 7 ст. 246 УПК РФ можно внести следующее изменение, сформулировав норму так: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Полный

или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса».

«С одной стороны, в результате отказа прокурора от уголовного преследования, могут быть нарушены интересы потерпевшего, но у всего есть и обратная сторона, ведь, не все прокуроры, поддерживающие государственное обвинение, могут решиться на отказ поддерживать выдвинутое обвинение» [29, с. 13] – как пишут некоторые учёные и практики.

Как пишет Ю.В. Корневский, для обвинителя самое главное «осознать свою роль, общественную значимость своей деятельности, чувствовать себя не чиновником, обязанным отстаивать ведомственную позицию, а полноправным участником правосудия, призванным способствовать осуществлению этой важнейшей государственной функции» [23, с. 46].

Безусловно, что государственный обвинитель, будучи объективно заинтересованным в реализации назначения уголовного судопроизводства, должен подходить к вопросу отказа от обвинения очень вдумчиво и профессионально, поскольку, как верно отмечается учёными «цена ошибки при необоснованном отказе от обвинения может быть высока» [15, с. 25].

В этих целях в органах прокуратуры должно уделяться внимание поддержанию соответствующей профессиональной квалификации прокуроров и повышению уровня их профессиональных знаний в сфере материального и процессуального права, что является основой для объективно-законного поддержания обвинения по уголовным делам.

3.3 Участие прокурора в судебных прениях

«Судебные прения – весьма значимая составляющая судебного разбирательства, в рамках которой со своих позиций стороны подводят основные общие итоги завершившегося судебного следствия» [70, с. 30] – отмечается исследователями.

Основной задачей участия прокурора в данном этапе производства по уголовному делу в суде первой инстанции является обоснования тезисов обвинения по данному делу.

Содержанием этапа прений сторон являются выступления стороны обвинения и стороны защиты, основанные на обозначенных и проанализированных в судебном следствии доказательствах. Речь прокурора в прениях должна содержать объективный и закономерный итог обвинения, поддерживаемого на протяжении предыдущих стадий производства по конкретному уголовному делу. Именно здесь должен окончательно сформироваться вывод о виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния.

Значение выступления государственного обвинителя на анализируемом этапе судебного разбирательства представлено в научных публикациях в контексте реализации принципа состязательности сторон, закреплённого в ст. 15 УПК РФ.

Как представляется, именно при рассмотрении дела в судебном разбирательстве данный принцип проявляется в полной мере – в досудебном производстве, как отмечается многими авторами, превалирует процессуальная активность стороны обвинения и «перекос» в равноправии наблюдается именно в сторону обвинительной деятельности, что компенсируется наличием у стороны обвинения обязанности доказывать тезис обвинения.

Обвинительная речь прокурора является итогом сформулированного и обоснованного государственного обвинения, но, помимо содержательной

стороны, выступление государственного обвинителя должно отвечать и категориям ораторского мастерства.

Как отмечается авторами, владение навыками судебного красноречия не свойственно в полной мере сотрудникам правоохранительной системы, а ведь именно подача фактических данных в своём выступлении во многом влияет на восприятие соответствующей информации судом, воздействуя на формирование того самого внутреннего убеждения, основанного на законе и совести.

Кроме того, важными профессиональными составляющими, влияющими на качество публичного выступления прокурора в прениях, является: высокий уровень правовых знаний (причём в разных отраслях российского права), умение тактически правильно представить доказательства, способность своевременно реагировать на незаконные и необоснованные действия участников процесса, высокий уровень профессиональной этики, а также стремление к повышению своего профессионального уровня.

Как отмечается некоторыми специалистами, «прокуроры, которым делегировано поддержание государственного обвинения в суде, предпочитают избегать подготовки текстов обвинительных речей в силу большой текущей занятости. Сказывается также привычка полагаться на судью, который больше доверяет аргументам объективного прокурора, чем адвоката, что в принципе не согласуется с местом и ролью суда в уголовном процессе» [24, с. 86].

Такая позиция слишком самонадеянна и потенциально может привести к снижению эффективности участия прокурора в обозначенной стадии.

Структура обвинительной речи никак не регламентирована действующим уголовно-процессуальным законом, что оставляет определённую свободу творчеству и позволяет государственному обвинителю учесть конкретику и специфику конкретного дела в контексте

подготовки и произнесения своего выступления в прениях. При этом, обвинителю необходимо учесть совокупности проанализированных в судебном следствии доказательств, личностных характеристик лица, привлекаемого к ответственности, его позиции по делу и иных обстоятельств.

Следует согласиться с В.А. Лазаревой в том, что любая заранее определенная структура речи, «есть шаблон, избежать которого можно, лишь предоставив оратору право самостоятельно определять содержание и структуру своего выступления, подчиняя их преследуемым в данном процессе целям» [32, с. 83].

На чём следует акцентировать своё внимание прокурору в своём выступлении? По мнению К.Ф. Амирова, «прокурор должен найти ту особенность дела, которой должна быть подчинена задача доказывания, всё её содержание направляется на обоснование виновности подсудимого в совершении преступления, правильности предъявленного ему обвинения, его законности и обоснованности. Виновность подсудимого - главный элемент обвинительной речи, подчиняющий себе все её основное содержание и предопределяющий её структуру» [3, с. 78].

Состязательное начало является тем объективно движущим моментом, способствующим объективизации доказательственной информации и формированию внутреннего убеждения судьи, без которого не мыслимо вынесение итогового судебного решения.

УПК РФ предусматривает определённый порядок в последовательности выступлений участников процесса – в соответствии с ч. 3 ст. 292 УПК РФ «первым во всех случаях выступает обвинитель», что, по мнению отдельных исследователей, «даёт прокурору определённое выигрышное преимущество, относительно стороны защиты, но при этом и создаёт дополнительные трудности» [34, с. 87].

Начинать, как правило, всегда сложнее, тем не менее именно обязанность доказывания обвинения предопределяет такую последовательность. В своей публичной речи, обращённой к суду и участникам производства по делу, государственный обвинитель представляет свою интерпретацию нашедших своё отражение в судебном следствии доказательств, которые государственный обвинитель, наряду с судом, также оценивает по своему внутреннему убеждению, о чём уже неоднократно говорилось. На это обращает своё внимание в своей работе А. Тушев [64, с. 33].

Сама последовательность представления в своём выступлении сведений по делу и их интерпретация относится к усмотрению прокурора, как самостоятельного должностного лица, способного оценивать сведения по своему внутреннему убеждению, основанному на действующем материальном и процессуальном законе.

Тем не менее, отдельные авторы [39, с. 81] считают, что для достижения максимальной эффективности, государственному обвинителю при подготовке выступлений по сложным многотомным уголовным делам стоит учитывать ряд моментов.

В частности, при наличии в деле нескольких обвиняемых, привлекаемых к ответственности за совершение преступления в соучастии, государственному обвинителю стоит начинать выступление с изложения общих для всех проходящих по делу обвиняемых обстоятельств совершения преступления, после чего логичным будет перейти к анализу доказательственных сведений по каждому обвиняемому отдельно.

«Когда подсудимому инкриминируется несколько преступных деяний, доказательства следует группировать поэпизодно» [38, с. 28] – рекомендует И.И. Мельников И.И.

Должная систематизация данных по уголовному делу является основой убедительного выступления, содержащего в себе краткий и информативный анализ значимых обстоятельств.

Представляется неправильным подход, при котором государственный обвинитель лишь зачитывает в своём выступлении тезисы из итогового обвинительного документа по делу, сопровождая их констатацией наличия тех, или иных доказательств, без соответствующего их анализа.

Государственным обвинителям необходимо чётко определять предмет выступления, а именно тот круг обстоятельств, которые они должны в своей речи изложить. Прокурор должен говорить только о том, какие обстоятельства нуждаются в обосновании, что может быть оспорено защитником или поставлено под сомнение судом, так как не бывает доказывания обвинения вообще, бывает доказывание конкретного факта. Прокурор должен понимать, что обвинительная речь не является формальной формой судебного выступления, а представляет собой важный способ убеждения судей, формой реализации процессуальной функции уголовного преследования в суде.

Важно отметить, что те доводы, на которые ссылается в своём выступлении прокурор, не должны иметь характер предположения. Не случайно в ч. 4 ст. 302 УПК РФ, законодатель говорит о том, что «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях». Тем самым достигается необходимая объективность и обоснованность обвинения, сообразно требованиям презумпции невиновности.

В своём выступлении в прениях сторон, государственному обвинителю нельзя обойти вниманием постановку вопроса о справедливом, по его разумению, наказании в отношении подсудимого. При этом, государственный обвинитель, как и в решении остальных вопросов, сопряжённых с реализацией властных полномочий, должен быть максимально объективным, не забывая о принципе экономии репрессий.

Вид и размер уголовного наказания должен быть индивидуализирован и соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния, а также личностным характеристикам лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Соответственно, «прокурору следует тщательно взвесить все доводы и высказать в своей речи соображения относительно справедливого вида, срока и условий отбывания наказания, которое суду предстоит определить в отношении подсудимого» [34, с. 87].

Выступление государственного обвинителя в прениях сторон может содержать и освещение ряда других аспектов, которые подлежат разрешению в обвинительном приговоре суда.

«Необходимость осветить эти вопросы определяется конкретными обстоятельствами дела» [31, с. 110] – пишет В.А. Лазарева.

Представляется, что государственному обвинителю целесообразно упоминать в своём выступлении и о тех обстоятельствах, которые способствовали совершению преступления, о которых законодатель говорит в ч. 2 ст. 73 УПК РФ.

Если прокурор сочтёт это важным в контексте способствованию превенции и устранению причин и условий совершения противоправных деяний, ему следует высказать своё мнение суду относительно вынесения частного постановления (определения) по данному вопросу, что отвечает потребности и необходимости обеспечения законности и правопорядка в государстве.

Так, выступая с обвинительной речью по делу братьев Шукуровых и Гапонова, прокурор вполне обоснованно просил «вынести частное определение по месту работы свидетелей Коноваленко (ОАО «СПМК-мелиорация») и Ибрагимова (Горжилуправление), в котором обратить внимание трудового коллектива на несоответствующее поведение свидетелей при совершении преступления, проявление равнодушия и нарушение ими

гражданского долга. Как видно из материалов дела и нашло подтверждение в судебном заседании, неподалеку от места происшествия находилась машина дорожно-патрульной службы ГИБДД, и указанные свидетели имели реальную возможность без какого-либо риска для себя сообщить об этом сотрудникам милиции либо иным образом привлечь внимание окружающих» [3, с. 92].

Отдельные специалисты считают, что текст выступления в судебных прениях прокурору не следует «читать с листа» [8, с. 112], поскольку это лишит выступление необходимой экспрессивности и снизит его убедительности.

Тем не менее, такую рекомендацию не следует воспринимать слишком буквально. Государственному обвинителю целесообразно иметь краткий, тезисный план своего выступления, чтобы не забыть привести в своём выступлении наиболее важные моменты, необходимые для достижения поставленных целей.

Заключение

В заключении выполненной выпускной квалификационной работы целесообразно сделать общие выводы и подвести итоги.

В ходе уголовного судопроизводства прокурор уполномочен от имени государства осуществлять уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Понятие «прокурор», используемое законодателем в УПК РФ, является собирательным. В зависимости от ситуации, в данном процессуальном качестве может принимать участие в уголовно-процессуальной деятельности достаточно широкий круг должностных лиц органов прокуратуры Российской Федерации.

Анализ нормативной формулировки ч. 1 ст. 37 УПК РФ позволяет сделать вывод о наличии двух, хотя и взаимосвязанных, но, тем не менее, различных по своему содержанию процессуальных функций, реализуемых прокурором в уголовном судопроизводстве:

- уголовное преследование;
- надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Анализ высказываемых в науке по данному вопросу точек зрения, позволяет сделать вывод о том, что надзорную функцию прокурора в уголовном судопроизводстве следует сформулировать несколько иначе.

Таким образом, рассматриваемую процессуальную функцию прокурора, реализуемую как в досудебном, так и в судебном производстве, целесообразно именовать «надзор за соблюдением законности», с учётом направленности данной функции.

Что же касается предложения о выделении дополнительной функции «восстановления законности», то данное предложение вряд ли обосновано.

Восстановление законности вполне естественно включать в содержание более широкой функции «надзор за соблюдением законности». Выделение же большого числа подфункций лишь усложняет понимание направленности полномочий прокурора. Выделение правозащитной функции также не имеет должных оснований, поскольку «правозащита» и «надзор за соблюдением законности» являются содержательно сходными.

Таким образом, представляется обоснованным выделить лишь две основные процессуальные функции прокурора в уголовном судопроизводстве:

- уголовное преследование;
- надзор за соблюдением законности.

Обе выделенные функции прокурора взаимосвязаны между собой и реализуются в тесной взаимосвязи.

Основы процессуального статуса прокурора и его полномочия, в основном, находят своё отражение в ст. 37 УПК РФ.

Важным и по-прежнему обсуждаемым в науке вопросом, связанным с полномочиями прокурора в уголовном судопроизводстве, является вопрос «урезания» полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием.

В ходе реформирования норм УПК РФ, регламентирующих процессуальное положение прокурора, произошло существенное сокращение процессуального инструментария анализируемого участника уголовного судопроизводства, направленного на оперативное устранение процессуальных нарушений.

В частности, прокурор утратил процессуальное полномочие инициации производства по уголовному делу посредством его возбуждения, что ранее он традиционно имел возможность осуществлять и т.д. Таким образом, сохранив за прокурором в досудебном производстве одну из ключевых ролей, законодатель предусмотрел и ряд существенных ограничений (по

сравнению с ранее обозначенными в законе) процессуальных возможностей, связанных с осуществлением уголовного преследования.

В науке уголовного процесса сложившаяся законодательная модель процессуального статуса анализируемого нами участника уголовного судопроизводства на этапе досудебного производства воспринимается критически. При этом наибольший резонанс вызывают вопросы, связанные с нормативным регулированием надзора, осуществляемого прокурором в отношении предварительного следствия.

Многими авторами критикуется перераспределение контрольно-управленческих полномочий, в результате чего те полномочия, что находились в распоряжении прокурора, перешли к новому участнику уголовного судопроизводства – руководителю следственного органа. Кроме того, объективным фактом состоявшегося реформирования полномочий прокурора стал дефицит полномочий данного участника уголовного судопроизводства при надзоре за предварительным следствием.

В современной науке уголовно-процессуального права активно дискутируется вопрос о восстановлении утраченных полномочий прокурора, связанных с осуществлением уголовного преследования, включая правомочие инициировать возбуждение уголовного преследования.

В качестве ещё одной проблемы, рассматриваемой специалистами в данном аспекте, выступает проблема нехватки процессуальных возможностей для эффективного реагирования на процессуальные нарушения следователя в ходе производства предварительного расследования.

Анализ норм УПК РФ позволят к такого рода правомочиям относить право прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования.

Тем не менее, такое полномочие авторы не находят достаточно действенным.

Как следует из приведённых выше положений, существующий вариант регламентации правомочий прокурора в досудебном производстве, не является идеальным и одобряемым всеми процессуалистами, что обуславливает поиск оптимальных путей по совершенствованию существующих процессуальных механизмов.

Тем не менее, возникающие на страницах публикаций предложения, содержащие доводы в пользу видоизменения полномочий прокурора, следует оценивать с разных сторон. В частности, к изменению положений УПК РФ, касающихся полномочий прокурора, связанных с осуществлением уголовного преследования, а также статуса данного участника уголовного судопроизводства на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, нужно подходить с большей долей осторожности.

Отдельного внимания заслуживает проблема реализации полномочий прокурора в контексте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Обращает на себя внимание тот факт, что обвиняемый (подозреваемый), будучи осведомлённым о тех преимуществах, которые может создать для него досудебное соглашение о сотрудничестве, не может при всём желании заключить его с прокурором напрямую. Соответствующее ходатайство должно быть направлено им лишь через следователя, который вовсе не обязан вынести постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве – он может по собственному усмотрению отказать в этом обвиняемому (подозреваемому) и такой отказ не подлежит какому-либо согласованию.

Получается, роль прокурора в данном аспекте необоснованно нивелируется. Будучи наделённым правом заключения досудебного

соглашения о сотрудничестве, прокурор, по сути дела, полностью устраняется от решения вопроса, связанного с обоснованностью отклонения следователем соответствующего ходатайства лица, на которое направлено уголовное преследование.

Данную ситуацию можно скорректировать, следуя пути создания дополнительных гарантий реализации прав обвиняемого (подозреваемого), а также расширения надзора прокурора за соблюдением законности в досудебном производстве, для чего ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ можно дополнить указанием на то, что прокурор рассматривает наряду с ходатайством подозреваемого или обвиняемого и постановлением следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве еще и постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении такого соглашения.

Такое дополнение существующего процессуального порядка способно более полно «включить» прокурора в процесс принятия решения о инициации заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Для повышения эффективности работы, связанной с контролем за должной реализацией заключенного досудебного соглашения, а также для достижения объективности и полноты осведомлённости прокурора об отсутствии нарушений, связанных с реализацией заключённого досудебного соглашения со стороны обвиняемого (подозреваемого), прокурору целесообразно проводить плановые проверки хода расследования соответствующих уголовных дел.

Говоря о реализации прокурором своих властных полномочий на судебных этапах производства по делу, следует рассмотреть проблему реализации права прокурора отказаться от государственного обвинения.

Относительно данного правомочия прокурора в науке существуют острые дискуссии. При этом, одни авторы считают, что при отказе прокурора от обвинения интересы потерпевшего остаются незащищёнными, поскольку

потерпевший устранён от участия в решении данного вопроса. Другие же авторы считают, что наличие требования письменно изложить суду мотивы отказа от обвинения, ставит прокурора в положение лица, «оправдывающегося» или «извиняющегося» перед судом за заявленный отказ от обвинения.

С данными категоричными точками зрения сложно согласиться. Утверждения о незащищённости интересов потерпевшего, как минимум, несколько преувеличены, поскольку законодатель не предусматривает права безосновательного отказа прокурора от государственного обвинения – такое решение прокурора должно быть обосновано и должным образом мотивировано. В данной связи представляются необоснованными предложения поставить возможность отказа прокурора от обвинения в зависимость от мнения потерпевшего.

Тем не менее, с учётом имеющейся правовой позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу, представляется необходимым обеспечить возможность суда услышать и учесть мнение потерпевшего в контексте общей оценки обоснованности отказа прокурора от обвинения, для чего в ч. 7 ст. 246 УПК РФ можно внести следующее изменение, сформулировав норму так: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по

основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса».

Что же касается второй точки зрения, относительно критики необходимости письменной мотивировки отказа от обвинения, то такое требование полностью обосновано – прокурор, будучи наделённым властными полномочиями, всего лишь приводит обоснование своего решения, что в полной мере соответствует гарантиям реализации прав и свобод потерпевшего, содействие защите интересов которого возведено в разряд одной из ключевых составляющих назначения уголовного судопроизводства.

В рассматриваемой ситуации также не лишним было бы наличие соответствующих разъяснений на уровне Пленума ВС РФ. Данное разъяснение могло бы способствовать упорядочению правоприменения в данном аспекте, а также способствовать выработке единых подходов в оценке обоснованности и мотивированности отказа прокурора от поддержания обвинения.

Подводя общий итог, следует отметить, что полномочия прокурора, как участника уголовного судопроизводства на любых этапах производства по уголовному делу, реализуются планомерно и целенаправленно, имея своей целью реализацию функции уголовного преследования, направленную на изобличение виновных в строгом соответствии с действующим законом, чему способствует функция надзора за соблюдением законности. Таким образом, прокурор, как участник уголовного процесса, наделённый властными полномочиями, играет важную роль в достижении назначения уголовного судопроизводства и реализации правосудия в Российской Федерации на началах состязательности и равноправия сторон.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 21 с.
2. Алексеев С.Н. Надзор за законностью предварительного расследования как форма государственной защиты прав и свобод человека // Право и политика. 2001. №10. – С. 101-105.
3. Амиров К.Ф. Речи государственных обвинителей: Метод. материалы. Вып. 3. - Казань: Мастер Лайн, 2002. – 346 с.
4. Артамонов А.Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. 2016. №1 (36). – С. 70-75.
5. Багаутдинов Ф.Н., Нафиков И.С. Актуальные вопросы реализации в уголовном судопроизводстве досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2015. №11. – С. 32-35.
6. Баев М.О. О стадии возбуждения государственного обвинения в уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1. - Воронеж, 2000. – С. 125-128.
7. Басков В.И. Теоретические проблемы прокурорского надзора за законностью рассмотрения судами уголовных дел: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. - М., 1973. – 45 с.
8. Боровков А.В., Улесов Н.И. Этические аспекты обвинительной речи в суде // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. - Новосибирск, 2014. – С. 112-115.
9. Борозенец Н.Н. О некоторых проблемах процессуального положения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства //

Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. №2 (109). – С. 220-228.

10. Гатауллин З. Уголовное преследование как функция прокурора // Законность. 2010. №2. – С. 8-15.

11. Горюнов В.Е., Алимпьев М.А. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. №2. – С. 9-23.

12. Гридчин А.А. Вопросы допустимости доказательств на предварительном следствии. - Ставрополь, 2000. – 160 с.

13. Гринюк Е.Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2018. – 23 с.

14. Гришин Д.А. К вопросу о совершенствовании производства дознания // Российский следователь. 2008. №1. – С. 33-37.

15. Демидов И., Тушев А. Отказ прокурора от обвинения // Российская юстиция. 2002. №8. – С. 25-27.

16. Дореволюционные юристы о прокуратуре (сборник статей) / Науч. ред.-сост. С.М. Казанцев. - СПб., 2001. – 321 с.

17. Ефименко С.П. Отказ прокурора от обвинения при несогласии потерпевшего // Законность. 2011. №10. – С. 7-12.

18. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. - Харьков, 1979. – 144 с.

19. Зеленецкий В.С. Функциональная структура прокурорской деятельности. - Харьков, 1978. – 78 с.

20. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - СПб., 2008. – 50 с.

21. Кожевников О.А. Об участии прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ. Материалы международной научно-

практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Юрия Данилов. - Челябинск, 2014. – С. 228-231.

22. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.А. Чекалина. - М.: Экзамен, 2006. – 673 с.

23. Корневский Ю.В. Проблемы государственного обвинения в условиях судебной реформы // Судебная реформа и проблемы уголовного судопроизводства. Сб. научных трудов. – М., 1995. – С. 43-51.

24. Коршунова О.Н., Кулик Н.В. Подготовка прокурора к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Юридическая мысль. 2012. №2 (70). – С. 85-92.

25. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. – М.: Норма, 2010. – 215 с.

26. Куимова Н.П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции: учеб. пособие. – СПб., 1996. – 189 с.

27. Курочкина Л.А. Обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства уголовных дел. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.

28. Курочкина Л.А. Проблема обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 22 с.

29. Лавнов М.А. Современная модель отказа прокурора от обвинения и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. №6 (95). – С. 204-208.

30. Лазарева В.А. Вопрос о соотношении предварительного расследования и судебного разбирательства в свете состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: Сборник научных статей. - Самара, 2007. – С. 386-397.
31. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: Учебное пособие / В.А. Лазарева. – Самара: изд-во «Самарский университет», 2010. – 215 с.
32. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара, 1999. – 187 с.
33. Лазарева В.А. Теория судебной речи. - Самара, 2001. – 123 с.
34. Левченко О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 2013. №2 (78). – С. 87-90.
35. Лукожев Х.М. Понятие "обвинение" и "уголовное преследование" по УПК РФ // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность. - Воронеж, 2006. – С. 426-430.
36. Магомедов М.А. Доктринальная модель и система полномочий прокурора в российской федерации // Социально-политические науки. 2018. №2. – С. 215-218.
37. Материалы Уголовного дела № 1-159/17 // Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти
38. Мельников И.И. Судебная речь. Для участников прений сторон по уголовным делам. – М.: Право, 2013. – 512 с.
39. Миронов В.Д. Реализация полномочий прокурора в ходе прений сторон по уголовным делам в суде первой инстанции // Конституционные чтения: Актуальные проблемы науки конституционного права: Совершенствование федеративного устройства России, органов государственной власти и местного самоуправления. Вып. 4. - Воронеж, 2008. – С. 81-93.

40. Налимов Г.И. Подготовка государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве // Вестник Пермского государственного университета. 2007. №8. – С. 180-186.

41. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. №1. С. 16.

42. Полякова И.И. Особенности полномочий прокурора и следователя при применении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева №4, том 2, 2019. - С. 126-129.

43. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. №1.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. №60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ, №2, февраль, 2007.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. №16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, №9, сентябрь, 2012.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. №1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. №7.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. №1.

48. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 г. №465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»

49. Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 г. №826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2017. №3.

50. Приказ Генпрокуратуры РФ от 01.11.2011 г. №2202-1 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора» // Законность. 2012. №1.

51. Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 г. №107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. №6.

52. Приказ Генпрокуратуры РФ от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

53. Рагулин А.В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. №4 (29). С. 56.

54. Рекомендация №R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (Принята 06.10.2000 г. на 724-ом заседании представителей министров) // Совет Европы и Россия. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 2004.

55. Рябина Т.К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2007. №2. – С. 18-25.

56. Соколов А.Ф. Проблемы организации предварительного следствия в системе следственного комитета при прокуратуре РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. №11. – С. 10-14.

57. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. - М.: Наука, 1968. – 470 с.

58. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 20 с.

59. Таболина К.А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 23 с.

60. Ткачев И.В. Некоторые вопросы, касающиеся полномочий прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов расследования // Общество и право. 2008. №1. – С. 209-212.

61. Толкаченко А.А. Типичные ошибки и недостатки следствия с точки зрения судов // Уголовный процесс. 2014. №9 (117). – С. 10-23.

62. Тугутов Б.А. Уголовно-процессуальные функции: понятие и содержание // Российский судья. 2014. №7. – С. 28 - 31.

63. Тугутов Б.А., Прушинский Д.И. Классификация полномочий прокурора в суде по уголовным делам // Сибирский юридический вестник. 2019. №3 (86). С. 87. – С. 86-91.

64. Тушев А. Роль прокурора в реализации принципа состязательности в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. №4. – С. 33-35.

65. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

66. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. №40. Ст. 592. (Акт утратил силу)

67. Федеральный закон от 05.06.2007 г. №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. №24. Ст. 2830.

68. Федеральный закон от 17.01.1992 г. №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1992. №47. Ст. 4472.

69. Цапаева Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. - Самара, 2004. – 140 с.

70. Шакитько Р.В. Роль судебных прений в российском гражданском судопроизводстве: исторический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. №9. – С. 29-37.

71. Шамоева М.Р. Проблема защиты прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Челябинск: Полиграф-Мастер, 2014. – С. 95-105.

72. Юсупкадиева С.Н. Отказ прокурора от обвинения // Научные труды РАЮН. Вып. 13: в 2 т. Т. 2. - М.: Юрист, 2013. – С. 831-835.

73. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции. - Оренбург, 2003. – 22 с.

74. Brown A. Criminal law and political liberalism // Journal of Criminal Law and Criminology, 2012.

75. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010.

76. Miller R. Criminal law and criminal procedure. San Francisco, 2008.

77. Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015.

78. Stewart C. Crime and punishment // Journal of Criminal Law and Criminology, 2002.

79. William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.

